

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Х21

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 162

Оформление *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Харников, Александр Петрович
Х21 Русские своих не бросают: Дунайские волны: роман / Александр Харников. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 384 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-117647-1

В августе 1854 года в Балтийском море появился англо-французский флот с десантом на борту и атаковал русскую крепость Бомарзунд, на Аландских островах. Тогда же в охваченную войной Балтику непонятно как угодили несколько боевых кораблей Российской Федерации. Русские моряки пришли на помощь своим предкам. Враг потерпел полное поражение.

Но смертельная опасность грозила Севастополю — главной базе русского Черноморского флота. «Попаданцы» отправились на Черное море и там спасли город русской морской славы от осады, а Черноморский флот — от гибели. Но враг еще не сложил оружие, и основные боевые действия должны развернуться на Дунае и территориях, прилегающих к этой величайшей реке Европы. Продолжается и тайная война, порой не менее кровопролитная, чем обычная.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-117647-1

© Александр Харников, 2019
© Максим Дынин, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Авторы благодарят за помощь и поддержку
Олега Васильевича Ильина*

Пролог

*1 (15) октября¹ 1854 года. Царское Село,
Екатерининский дворец. Танцевальный зал
Капитан медицинской службы Гвардейского
Флотского экипажа Синицына Елена Викторовна*

Танцевальный зал Екатерининского дворца всегда был моим самым любимым из всех роскошных покоев двух императриц — Елизаветы Петровны и Екатерины Великой. Ажурные золотые плетения по стенам, фальшивые зеркальные окна-обманки, в которых отражаются и зал, и галерея, создавая иллюзию бесконечного пространства, а на противоположных им стенах — окна настоящие, большие, в два яруса; великолепный паркет. Но сейчас, когда в зеркалах отражались многочисленные свечи, а золотые узоры пылали в свете искусно размещенных бра, я впервые увидела его во всем его неземном великолепии. Конечно, я старалась из-за всех сил соответствовать: на мне красовалось новое, специально пошитое платье, а на нем — красный бант и орденский знак Святой Екатерины. Хоть мне и привычнее зеленый врачебный халат или форма военного медика, но каждой женщине хочется хоть иногда, но покрасоваться. И то, что я увидела в одном из ростовых зеркал зала, даже мне

¹ Даты в пределах Российской империи даны по юлианскому и григорианскому календарю. Даты вне ее пределов — только по григорианскому.

понравилось. Даже посмею утверждать, что я была просто неотразима. Хотя для кого она, эта неотразимость? Муж мой и детки остались там, в далеком будущем, откуда наш «Смольный», а также несколько других кораблей, в недавний июньский день были в одночасье перенесены в 1854 год, и личная жизнь моя оборвалась — как я полагаю, навсегда.

Но именно нашей эскадре суждено было разгромить англо-французский флот на Балтике. Именно с нашей помощью захватчиков вышвырнули из Крыма. И теперь осталось лишь главное — закончить эту войну так, чтобы заставить врага надолго забыть дорогу к нашим берегам, после чего нас ждет следующая задача — сделать все, чтобы Россия стала самой передовой и сильной державой нашего — да, теперь уже нашего — времени. И основание Елагиноостровского университета — «начало большого пути».

Мой кавалер на сегодняшний вечер бережно усадил меня на место за императорским столом, на котором стояла табличка «капитан Синицына», и только потом сам сел напротив меня. Это был единственный гость, который не принадлежал ни к эскадре, ни к императорской семье, но который был одним из немногих, кто оказался посвящен во все наши секреты.

Высокий, с лихими кавалерийскими усами и буйными седеющими кудрями, это был не кто иной, как герой войны 1812 года, друг Пушкина и Карла Брюллова, храбрый полководец и блестящий дипломат, генерал от кавалерии Василий Алексеевич Перовский, недавно назначенный министром иностранных дел Российской империи.

Мы с Василием Алексеевичем познакомились случайно — по настоятельной просьбе его заместителя, главы Службы безопасности эскадры Березина, он прибыл на обследование в Елагиноостровскую клинику. Ведь

умер он в нашей истории в 1857 году от сердечной недостаточности. Как со всеми пациентами мужского пола из этого времени, обследовали его врачи-мужчины. Но когда я проходила мимо, меня звали в кабинет и представили новому министру. Оказалось впоследствии, что мы с ним в некоторой мере земляки — родилась я в столичном микрорайоне Перово, в «хрущобе» на Перовской улице, тогда как Василий Алексеевич получил свою фамилию в честь имения Перово, принадлежавшего его отцу, графу Алексею Разумовскому; на его месте и возник наш микрорайон. Василий Алексеевич был холост, и мы незаметно подружились — без намека на какую-либо романтику, что меня вполне устраивало. И сегодня именно он «вывел меня в свет».

Рядом со мной сидел адмирал Дмитрий Николаевич Кольцов, командир нашей эскадры, пардон, Особой эскадры Гвардейского Флотского экипажа, а напротив — его заместитель, капитан 1-го ранга Олег Дмитриевич Степаненко. В XXI веке я была весьма дружна с Олегом Дмитриевичем и с его супругой, и мне было очень его жаль — его жена тоже осталась в будущем, и, хоть он этого старался не показывать, в его глазах с тех пор затаилась неизбывная грусть.

Далее пустовало четыре стула. В конце стола располагались полковник Березин, глава Службы безопасности Эскадры, и подполковник Васильев, его заместитель. Первый из них одновременно являлся заместителем Василия Андреевича, а второй занимался реформированием местной жандармерии.

За другими столами, накрытыми в основном в галерее, сидели многочисленные курсанты и немногие пока еще доценты.

На сцене у дальней стены расположился сводный оркестр Эскадры, собранный «с миру по нитке» из моря-

ков и курсантов, прибывших сюда из далекого 2015 года. Кто-то вдруг дал отмашку, оркестр заиграл гимн Российской империи «Боже, царя храни», и мы встали. Через галерею проходили хозяева этого прекрасного дворца — император Николай Павлович вел под руку супругу и мою пациентку, императрицу Александру Федоровну, а великая княгиня Елена Павловна чинно шествовала под руку с профессором Владимиром Михайловичем Слонским, ректором нашего нового университета.

Когда царь с царицей, великая княгиня и профессор заняли свои места — император при этом оказался от меня по правую руку, — оркестр заиграл неофициальный гимн Эскадры «Прощание славянки».

«Да, — подумала я, — сколько наших ребят сейчас там, на юге, в Крыму, в Одессе, либо на судах, проходящих по Березинскому водному пути. Ник Домбровский, Саша Николаев, Юра Черников, Саша Сан-Хуан... Да и из тех, кто здесь, на Балтике, далеко не все смогли приехать на этот праздник — кто в Свеаборге, кто в Бомарзунде, кто в Риге».

После шампанского — пили мы «Абрау-Дюрсо» из неприкосновенного запаса на борту «Королева» — с торжественной речью ко всем собравшимся обратился сам император. Начал он свою речь с привычных для этих времен приветствий, а затем продолжил:

— Мы знаем, как все наши старания мирным путем добиться справедливого решения ситуации на Святой земле неожиданно послужили поводом для Османской империи, Соединенного королевства и Французской империи начать войну против нас. Их политику поддерживала и Австрийская империя, которую мы недавно спасли от мятежа венгров, и Сардинское королевство. Ни одна страна не пришла к нам на помощь, и никто даже не поднял голос в нашу защиту. Прав был мой внук, сказавший

в вашей истории: «У России есть только два союзника — ее армия и флот».

И когда на Черном море, на Балтике, на Тихом океане и на Белом море появились сильные англо-французские эскадры, а тысячи солдат готовы были высадиться на нашей земле, Господь внял нашим молитвам и прислал на помощь наших потомков — вас, дамы и господа.

Да, вы не были моими подданными, вы были гражданами другой России. Но именно вы спасли нашу державу сначала на Балтике, а потом и в Крыму. Именно с вашей помощью, если это будет угодно Господу нашему Иисусу Христу, мы сможем окончательно разгромить неприятеля и принести нашему многострадальному Отечеству столь желанный мир.

Но как сказал профессор Владимир Михайлович Слонский: «Недостаточно выиграть войну — нужно преобразовать сегодняшнюю Россию, развить нашу промышленность, отменить крепостное право, ввести всеобщее образование, принести процветание каждой российской семье». Конечно, создание нового университета — это только первый шаг на этом тернистом пути. Но мы верим, что с Господней помощью Владимиру Михайловичу и всем нам удастся дойти до заветной цели.

Профессор Слонский поклонился августейшей чете и заговорил:

— Ваши императорские величества, ваше императорское высочество (тут он склонил голову перед своей визави, которая тепло ему улыбнулась), дамы и господа! С сегодняшнего дня Елагиноостровский Императорский университет начинает свою работу.

Первый семестр послужит большей частью лишь для становления нашего нового учебного заведения. Необходимо не только оборудовать помещения, лаборатории, общежития, но и составить программы, по которым

наш университет будет работать, и подготовить преподавательский состав; многие из будущих доцентов — сегодняшние старшекурсники. Уже сейчас те из них, кому оставалось совсем немного до получения диплома в XXI веке, занимаются по ускоренным программам, чтобы сдать соответствующие экзамены в июне будущего года. Ведь практически все подали прошение, чтобы им разрешили поучаствовать в боевых действиях либо в обеспечении наших операций на юге. А многие уже находятся там, и возвратятся в Петербург только после нашей победы. Дай Боже, чтобы они вернулись все, целые и невредимые.

Для тех, кто пока еще здесь, либо чье прошение было отклонено, действуют языковые курсы, а также курсы подготовки младшего медицинского персонала, которыми руководит декан медицинского факультета, капитан медицинской службы Гвардейского Флотского экипажа Елена Викторовна Синицына. Со следующей недели мы займемся еще одной первоочередной задачей — начнут работать курсы подготовки учителей, которые будут стажироваться в новой Елагиноостровской школе, где будут заниматься и спасенные нами британские юнги, и российские дети всех сословий.

Одновременно, уже в этом месяце мы создадим Научный совет, к участию в котором мы намерены привлечь многих известных российских и зарубежных ученых, и Промышленный совет — с участием крупнейших предпринимателей Российской империи. Сам же университет откроется для всех категорий курсантов в следующем семестре — ориентировочно в конце февраля. А в начале лета будет проведен набор новых студентов для следующего года. Именно тогда Елагиноостровский Императорский университет превратится в полноценное учебное заведение.

Кроме того, мы организуем экспертные группы политологов, экономистов и военных: они будут участвовать в реформах, которые так необходимы нашей с вами Родине.

Но это все впереди. А пока давайте отпразднуем официальное открытие нашего с вами будущего дома!

«Да, — подумала я, — нелегкая это работа — из болота тащить бегемота... Если многие ребята из Службы безопасности могут послужить и политологами, то человек с полноценным экономическим образованием и опытом работы у нас ровно один — Ник Домбровский, который здесь занимается всем чем угодно, только не экономикой. Он теперь и журналист, и снайпер. Так как у него есть опыт работы в банке, я предложила его кандидатуру для реформы банковской системы — то-то он обрадуется, когда вернется с войны... Конечно, кое-какие знания по экономике есть и у некоторых курсантов, но на уровне «спрос и предложение», не более того...

Вот с медициной у нас будет лучше — Елагино-островская клиника уже действует, хотя многие наши врачи, теперешние и будущие, находятся кто в Крыму, кто в Одессе, а вскоре, если Бог даст, окажутся на территориях, до того принадлежащих Турции. Да и немало тех, кто проходит наши ускоренные курсы, вот-вот отправятся на юг, кто в составе Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, кто просто медсестрой либо медбратом...»

От моих глубокомысленных размышлений меня отвлек Василий Андреевич, сказав с улыбкой:

— Елена Викторовна, отвлекитесь от дум ваших, пора отдать должное искусству дворцовых поваров!

Ужин был приготовлен по рецептам XXI века. Должна признать, что многое — тот же салат оливье — было намного вкуснее, чем у нас в будущем, все-таки каче-

ство продуктов в XIX веке не сравнить. Вина были тоже «нашими», инкерманскими, из «закромов Родины» — из запасов, которые мы везли в подарок венесуэльским друзьям. Кстати, вина Василию Андреевичу не очень понравились — здесь сейчас в моде более сладкие вина, а инкерманские практически сплошь сухие.

А потом были танцы. Дискотеку мы решили не устраивать — не поймут-с, тем более у нас бал, а не хрен знает что. А еще несколько дней назад императрица попросила у меня разрешения потанцевать — ведь совсем недавно она жестоко страдала от туберкулеза. Но теперь болезнь была позади, дыхание ее восстановилось, здоровье резко улучшилось, да и обстановка была намного менее формальной, чем императорский бал... Подумав, я разрешила ей сделать два круга вальса.

Заиграл «Севастопольский вальс» — после нашей победы в Крыму ставший хитом сезона. Танец начала императорская чета, потом к ним присоединилась великая княгиня с Владимиром Михайловичем, и, наконец, остальные пары. Меня поразило, как красиво и элегантно танцевал профессор Слонский — а ему далеко за семьдесят! Впрочем, и Василий Алексеевич вел меня так, что я чувствовала себя королевой бала — но краем глаза внимательно следила за моей пациенткой. Впрочем, никаких особых причин для беспокойства я не обнаружила.

Потом, по моей просьбе, Александра Федоровна пропустила несколько танцев. Тем более, они ей были незнакомы. Смотрела она на танцующих с восхищением, а потом попросила меня, забавно грассируя:

— Елена Викторовна, прошу вас научить этим танцам и меня! Конечно, не все из них можно исполнять публично, но выглядят они очень красиво.

— Конечно, ваше императорское величество, — улыбнулась я, лихорадочно соображая, кто из наших девочек

сможет ее этому научить. Да и кто будет учить императора — не будет же императрица танцевать одна.

После того как мы смогли излечили царицу от туберкулеза, между ней и мною сложились весьма теплые и доверительные отношения — настолько, насколько этикет XIX века это позволял. Кстати, я уже воспользовалась этим — по моей просьбе Александра Федоровна пусть с трудом, но смогла получить согласие императора пройти медицинское обследование «сразу после победы». В нашей истории он умер в 1855 году, и, хоть официальной причиной смерти называли воспаление легких, вполне возможно, что сыграли роль старые травмы либо болезни, которые никто не диагностировал. А чем больше я знакома с царем и царицей, тем больше мне хочется, поелику возможно, продлить их жизнь.

Оркестр заиграл еще один вальс, доселе неизвестный здешней публике. И император вновь подал руку супруге, приглашая ее на танец. Исполняли «Дунайские волны», в честь последнего рубежа, отделявшего нас от неприятеля. Дай-то Бог, чтобы все у нас получилось!

2 (16) октября 1854 года.

Петербург, Зимний дворец

Генерал-майор Гвардейского Флотского экипажа

Березин Андрей Борисович,

советник Министерства иностранных дел

Российской империи

Вчера мы праздновали и танцевали на балу в Царском Селе. А на сегодняшнее утро император Николай Павлович пригласил меня и генерал-адъютанта Перовского в свой кабинет для откровенной беседы о внешней политике Российской империи, которую (политику, а не империю) предшественник Василия Алексеевича граф Нессельроде завел в тупик. Закончилось все Крымской войной, в которой у России не осталось союзников в Европе.

Император считал, что такого больше повториться не должно. Но для того, чтобы определить дальнейшее направление российской внешней политики, следовало бы разобраться, какие ошибки совершил предшественник генерала Перовского. И из-за чего, собственно, началась эта проклятая Крымская война. Император попросил меня подготовить небольшой доклад о том, что именно толкнуло британцев и французов на объявление войны России. Тему «святых мест» в Иерусалиме Николай Павлович предложил оставить за скобками. Все политики были людьми достаточно циничными и прекрасно понимали, что споры православных и католиков по поводу Храма Гроба Господня и ключей от этого храма вряд ли стали тем самым «казусом белли», после которого во-

оруженное противостояние между Францией и Россией стало неизбежным. Равно как и обиды Наполеона III и королевы Виктории хоть и сыграли определенную роль, но вряд ли это было бы достаточным в отсутствие более весомых факторов.

Я посадил ребят из Службы безопасности порыться в книгах, электронных и бумажных, и они подготовили мне достаточно толковый доклад. Его мне осталось лишь пересказать своими словами — более подробно все излагалось в письменном варианте, который я потом вручу и императору, и Перовскому.

— Ваше императорское величество, — начал я, — основная ошибка канцлера Нессельроде заключалась в том, что он считал тот расклад сил, который сложился в Европе после Венского конгресса, незыблемым и ожидал, что все государства будут соблюдать сложившийся в 1815 году миропорядок. То же самое касалось и Священного союза, который оказался непрочным из-за appetitов Австрии на Балканах. Пруссия же не простила России поддержку Австрии в борьбе между Берлином и Веной за влияние в Германии.

— К сожалению, все было именно так, — кивнул император, — я убедился, что своекорыстные интересы оказались выше торжественных обещаний, которые дали друг другу европейские монархи после победы над Наполеоном.

— Ваше императорское величество, — сказал генерал-адъютант Перовский, — я вижу во всем произошедшем злокозненную роль Британии, которая издавна стравливала между собой народы, чтобы на их взаимной вражде заработать побольше денег. Это нация торгашей, которым чуждо рыцарство и чувство благодарности.

— И с Британией не все так просто, Василий Алексеевич, — мне не хотелось рассказывать своим собеседникам